

Арина Вольская

После развода.
Ты опоздал
на три года

Арина Вольская

**После Развода: Ты
опоздал на три года**

«Литнет»

2026

Вольская А.

После Развода: Ты опоздал на три года / А. Вольская —
«Литнет», 2026

— Спаси её, Лена, — просит бывший муж, прижимая к себе испуганную девочку. — Ты единственная, кому я доверяю. Три года назад Максим выбрал другую женщину и её ребёнка. Три года назад я подписала документы о разводе и не сказала ему, что беременна. Теперь передо мной стоит мужчина, которого я пыталась забыть. Рядом с ним — маленькая девочка с больным сердцем. А дома меня ждут два мальчика, которые унаследовали его глаза, улыбку и невозможное упрямство. Я спасу ребёнка. Она не виновата в поступках взрослых. Но Максим слишком поздно решил рассказать правду. Он может оказаться невиновным в измене. Может объяснить переводы, тайную семью и женщину в своём кабинете. Только одного объяснения недостаточно. Потому что предательство — это не всегда чужая постель. Иногда предательство начинается в тот момент, когда любимый человек решает за тебя, какую правду ты способна выдержать.

© Вольская А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Мужчина с чужим ребёнком	5
Глава 2. Сообщение, которое он не открыл	22
Глава 3. Женщина, которую она считала любовницей	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Глава 1. Мужчина с чужим ребёнком

К моменту, когда сердце мальчика снова начало сокращаться самостоятельно, Елена уже перестала чувствовать пальцы.

Не потому, что устала.

Усталость приходила позже — в ординаторской, в лифте, иногда уже дома, когда она пыталась вставить ключ в замок и несколько раз промахивалась мимо скважины. В операционной тело не имело права напоминать о себе. Здесь существовали только цифры на мониторах, команды анестезиолога и крошечное сердце, которое лежало перед ней в раскрытой грудной клетке.

— Снимаем зажим, — произнесла Елена.

Голос прозвучал спокойно.

Никто из восьми человек вокруг стола не услышал в нём напряжения. Именно этому она учила молодых хирургов: страх можно испытывать сколько угодно, но пациент не должен платить за него ни одной секундой.

Перфузиолог уменьшил поток. На мониторе дрогнула линия.

Сердце не ответило.

Елена не повысила голос.

— Ещё раз.

Она коснулась ткани инструментом. Рядом замер Андрей Сергеевич, второй хирург. За прозрачным щитком его лицо казалось серым.

На мониторе появилась первая неровная волна.

Потом вторая.

Сердце судорожно дёрнулось и начало набирать ритм.

— Есть синусовый, — сообщил анестезиолог. — Давление поднимается.

Только тогда Елена позволила себе вдохнуть.

Она не улыбнулась. До улыбки было ещё далеко. Предстояло убедиться, что реконструированный клапан работает, что кровотечение контролируется, что ребёнок выдержит выход из искусственного кровообращения.

Мальчику было пять лет. Его родители сидели этажом ниже и, вероятно, смотрели на закрытую дверь так, словно та отделяла их от всей дальнейшей жизни.

Елена знала этот взгляд.

Она видела его сотни раз.

Иногда он принадлежал матери, иногда отцу, иногда бабушке, которая держала в руках детскую кофточку и шептала молитвы. Люди приходили в её отделение разными, но возле операционной становились одинаковыми. Здесь должности, деньги, связи и характер переставали иметь значение. Оставалась только беспомощная надежда на человека, которого они впервые увидели несколько часов назад.

Елена не обещала чудес.

Она говорила:

«Мы сделаем всё возможное».

За тридцать лет работы эта фраза стала для неё почти клятвой.

Через сорок минут ребёнка перевели в реанимацию.

Елена сняла перчатки, подняла руки и позволила медсестре развязать халат. Под шапочкой волосы промокли. Спина ныла так, будто в неё вбили металлический стержень.

— Красиво получилось, — сказал Андрей Сергеевич, когда они вышли в предоперационную.

— Посмотрим через сутки, — ответила Елена.

— Елена Павловна, вы когда-нибудь хвалите себя сразу?

— Нет.

— Почему?

Она стянула маску.

— Потому что дети не обязаны выздоравливать только из уважения к нашему самолюбию.

Андрей усмехнулся, но спорить не стал. Он работал с ней шестой год и знал, что за сухостью скрывалось не высокомерие. Елена слишком хорошо помнила все случаи, когда операция проходила идеально, а потом начиналось кровотечение, отказывали почки или сердце внезапно переставало отвечать на лекарства.

Поэтому радоваться она позволяла себе только тогда, когда ребёнка выписывали.

Иногда — когда получала фотографию с первого сентября.

Или открытку, исписанную крупными буквами:

«Спасибо, что починили мне сердце».

Елена подошла к раковине и долго мыла руки, хотя кожа уже была чистой. В зеркале над крапом отражалась женщина с усталым лицом, резко обозначившимися скулами и несколькими выбившимися светлыми прядями.

Пятьдесят три.

Когда-то ей казалось, что в этом возрасте люди точно знают, чего хотят, перестают сомневаться и больше не совершают глупостей.

Теперь Елена понимала: возраст не избавляет от ошибок. Он только делает их дороже.

Дверь распахнулась.

В предоперационную вошла старшая сестра реанимации.

— Елена Павловна, вас срочно вызывает заведующий приёмным. Санавиация привезла девочку из Кировской области. Три года, врождённый порок, резкое ухудшение.

Елена вытерла руки.

— Диагноз?

— По документам — сложный вариант атрезии лёгочной артерии после паллиативного вмешательства. Сатурация шестьдесят четыре. Давление падает. Из областной больницы передали, что у них нет возможности оперировать.

Усталость исчезла.

— Эхо сделали?

— Уже начинают.

— Позовите Вадима Николаевича. И пусть готовят малую операционную. Кровь заказали?

— Да.

— Родители здесь?

Сестра на секунду задержалась.

— С ребёнком прилетел мужчина. Сказал, что он дедушка.

Елена уже направлялась к двери.

— Пусть подпишет согласие, если мать дала доверенность.

— Он просил именно вас.

Елена остановилась.

В больницах часто просили конкретного врача. Особенно если успевали прочитать отзывы, статьи или форумы родителей. Её фамилию знали далеко за пределами города.

— Кто он?

Сестра посмотрела на неё с непонятным выражением.

— Максим Андреевич Орлов.

Звук исчез.

Не постепенно — сразу.

Елена видела, как двигаются губы медсестры, как за её спиной проходит санитар с контейнером, как мигает лампа над дверью. Но несколько секунд ничего не слышала.

Имя ударило сильнее, чем если бы кто-то произнёс его рядом с могилой.

Максим Орлов.

Почти четыре года Елена не позволяла себе говорить его вслух.

В документах он существовал. В двух свидетельствах о рождении, которые лежали в запёртом ящике письменного стола. В старом паспорте с отметкой о браке. В бумагах о разводе, подписанных его твёрдым почерком.

В жизни — нет.

Елена удалила номер, заблокировала почту, выбросила вещи, которые он не забрал. Не сразу. Сначала она несколько месяцев хранила его рубашку на дальнем краю шкафа и ненавидела себя за то, что иногда касалась ткани.

Потом родились мальчики.

После этого ненавидеть стало некогда.

— Елена Павловна? — позвала сестра.

Елена подняла на неё глаза.

— Где ребёнок?

— В третьей смотровой.

— Кто ещё знает, что мужчина знаком со мной?

— Никто. Он только назвал ваше имя.

— Хорошо.

Сестра не ушла.

— Вы сможете?

Вопрос был профессиональным, но Елена услышала в нём другое.

Сможет ли она войти туда?

Посмотреть на человека, который однажды сказал, что их брак был ошибкой?

Увидеть ребёнка женщины, ради которой он её бросил?

Елена поправила ворот хирургической формы.

— Если я не смогу, я сама сообщу руководителю. Пока готовьте операционную.

Она вышла в коридор.

До приёмного отделения было меньше двух минут пешком. Елена знала каждый поворот, каждую дверь, каждую царапину на стене. Но сегодня путь казался длиннее.

На ходу в памяти вспыхивали обрывки, которые она считала уничтоженными.

Максим на кухне, босой, сонный, разливающий кофе по двум чашкам.

Максим возле окна, читающий сообщение и быстро переворачивающий телефон экраном вниз.

Максим в кабинете, рядом с Натальей.

Чужая женская рука у него на плече.

Снимок УЗИ на столе.

Переводы женщине по имени Ирина.

И его голос:

— Давай закончим это спокойно, Лена.

Спокойно.

Словно речь шла о неудачном контракте, а не о пяти годах их общей жизни.

Словно ночью он не прижимал ладонь к её животу и не говорил, что не боится последней попытки.

Словно они не выбирали имя ребёнку, которого, как им тогда сообщили, не получилось.

Елена ускорила шаг.

Прошлое не имело значения.

В смотровой лежал ребёнок.

Трёхлетний.

Больной.

Возможно, умирающий.

Этого было достаточно.

У дверей приёмного собрались врачи. Реаниматолог говорил быстро, показывая изображения на экране переносного аппарата. Медсестра держала систему. Девочка на каталке казалась слишком маленькой среди проводов, трубок и рук взрослых.

Максим стоял рядом.

Елена увидела его раньше, чем он её.

Почти четыре года она представляла эту встречу по-разному. В самые первые месяцы думала, что однажды он войдёт в её кабинет, признается, что ошибся, и попросит вернуться. Позже представляла, как пройдёт мимо него на улице и ничего не почувствует.

Ни один из придуманных вариантов не подготовил её к реальности.

Максим постарел.

Не просто поседел — серебро легло на висках широкими полосами. Морщины возле глаз стали глубже, лицо жёстче и суше. Он похудел. Тёмная куртка висела на плечах свободнее, чем раньше.

Исчезла та спокойная уверенность, с которой Максим входил в любое помещение, словно заранее знал, где опасность и как её устранить.

Теперь он стоял возле детской каталки и не мог сделать ничего.

Левой рукой Максим придерживал кислородную маску у лица девочки. Правой сжимал её маленькую ладонь.

На рукаве темнело пятно крови.

Вероятно, после установки катетера.

Он поднял голову.

Их взгляды встретились.

Максим не вздрогнул. Только пальцы на детской руке сжались сильнее.

— Лена.

Она остановилась в двух шагах.

Никто не называл её так в больнице. Здесь она была Еленой Павловной, заведующей отделением, профессором, иногда — «наша Соколова».

«Лена» осталось в другой жизни.

Максим сделал движение навстречу, но не отпустил ребёнка.

— Спаси мою девочку.

Мою.

Слово вошло под рёбра.

Елена посмотрела на лицо девочки.

Светло-каштановые волосы прилипли ко лбу. Губы посинели. Из-под маски слышалось частое, тяжёлое дыхание. На тонкой шее дрожала жилка.

Она была красивая.

Не той открыткой красотой, которую взрослые любят приписывать всем детям. У неё были чёткие брови, маленький подбородок и очень тёмные ресницы.

Елена попыталась найти в лице сходство с Максимом.

Нашла.

И сразу возненавидела себя за это.

Конечно, нашла. Когда хочешь увидеть подтверждение, мозг дорисует его в любом повороте головы.

— Как зовут? — спросила Елена.
— Лиза.
— Полное имя?
— Елизавета Антоновна Орлова.
Отчество ничего ей не сказало.
Фамилия сказала всё.
Елена склонилась к ребёнку.
— Лиза, меня зовут Елена Павловна. Я врач. Сейчас мы посмотрим твоё сердечко.
Девочка приоткрыла глаза.
Взгляд был мутным.
— Деда, — едва слышно выдохнула она.
Максим наклонился.
— Я здесь.
Деда.
Елена не позволила себе задуматься.
Возможно, ребёнка научили так его называть. Возможно, у Ирины был другой мужчина.
Возможно, Максим действительно приходился девочке дедом не по крови.
Или она не слышала.
Сатурация на мониторе опустилась до шестидесяти двух.
— Уводим сопровождающего, — распорядилась Елена. — Кислород не снимать. Повторное эхо прямо сейчас. Анализы — газовый состав, коагулограмма, биохимия. Поднимите архив, запросите протокол предыдущей операции.
Максим не двинулся.
— Я останусь.
Елена посмотрела на него поверх маски.
— Вы выйдете.
Он замер.
Обращение ударило не слабее, чем если бы она дала ему пощёчину.
— Лена, она боится.
— Здесь все дети боятся. Это не значит, что родственники присутствуют во время обследования.
— Я обещал ей...
— А я отвечаю за её жизнь.
Они смотрели друг на друга несколько секунд.
Раньше Максим не уступал. Не из упрямства — из уверенности, что знает, как лучше.
Именно эта черта когда-то казалась Елене надёжностью.
Потом стала приговором.
Он наклонился к Лизе.
— Я буду за дверью, — сказал Максим. — Никуда не уйду.
Девочка слабо кивнула.
Максим отпустил её руку.
Елена заметила, как трудно ему это далось.
Он отступил, но перед тем, как выйти, сказал:
— Мне нужно тебе объяснить.
— Не сейчас.
— Ты должна знать, кто она.
Елена почувствовала, как внутри поднимается холод.
— Сначала ребёнок. Всё остальное после.
Максим хотел что-то добавить, но реаниматолог уже встал между ними.

Дверь закрылась.

Елена наклонилась над монитором.

— Показывайте.

Изображение было плохим. Сердце работало с перегрузкой. Кровоток через ранее созданное соединение резко снизился. Давление в правых отделахросло. Ребёнок держался на последних резервах.

— Долго транспортировали? — спросила Елена.

— До районной больницы два часа, потом в область, потом ожидание борта, — ответил реаниматолог. — Ухудшение началось ночью.

— Почему не позвонили нам сразу?

— Мать сначала отказалась от перевода. Боялась, что не довезут.

Елена закрыла глаза на одну секунду.

Родителей нельзя было судить за страх. Но иногда страх отнимал время, которого у ребёнка почти не оставалось.

Она изучила изображения ещё раз.

— Консервативно не вытянем.

— Катетеризация?

— Не успеем. И анатомия после первой операции сложная.

Андрей Сергеевич вошёл в смотровую, уже переодевшись в чистую форму.

— Что у нас?

Елена коротко объяснила.

Он посмотрел на экран.

— Повторная реконструкция?

— Да.

— Сейчас?

— Сейчас.

Андрей перевёл взгляд на закрытую дверь.

— Это тот самый Орлов?

Елена не спросила, откуда он знает.

В отделении знали, что она была замужем дважды. Не знали подробностей, но слухи всегда находили щели.

— Это родственник пациентки, — сказала она. — Больше ничего.

— Ты уверена, что пойдёшь?

— Я уверена, что девочка не может ждать другого хирурга.

— Тогда я первый ассистент.

— Нет. Ты второй ведущий. Все решения принимаем вместе.

Андрей понял.

Не стал утешать, не сказал, что она лучший специалист. Просто кивнул.

За это Елена ценила его больше многих.

Она вышла к Максиму.

Он стоял у окна в конце коридора. Не сидел, хотя рядом были свободные стулья. Руки опущены, плечи напряжены.

Увидев Елену, он сразу пошёл навстречу.

— Что с ней?

— Нужна срочная операция.

Лицо Максима не изменилось. Только взгляд стал тяжелее.

— Шансы?

— Она поступила в крайне тяжёлом состоянии. Без операции погибнет. С операцией риск тоже высокий.

— Насколько высокий?

— Я не называю проценты, когда они ничего не объясняют. Ребёнок нестабилен. Предыдущая операция усложняет доступ. Мы не знаем точной анатомии, пока не войдём.

— Ты сможешь?

Вопрос был прежним.

Тем самым, который он задавал ей шесть лет назад, когда лежал на каталке после тяжёлого ранения.

Тогда Максим был почти без сознания, но всё равно успел спросить:

«Вы сможете?»

Елена ответила:

«Да».

Не потому, что была уверена. Потому что человек на границе жизни не должен видеть сомнение врача.

Сегодня она не дала ему той же опоры.

— Мы сделаем всё возможное.

Максим кивнул.

— Документы?

— Мать ребёнка дала вам право подписывать согласие?

Он достал папку.

— Нотариальная доверенность. Ирина едет сюда. Она не успела на борт.

Имя прозвучало спокойно.

Ирина.

Женщина, которой он переводил деньги.

Женщина со снимком УЗИ.

Женщина, ради которой он сказал Елене, что их брак закончен.

Теперь её дочь лежала за дверью.

— Заполните всё с администратором, — сказала Елена.

Максим не взял папку обратно.

— Лена, Лиза не моя дочь.

Она посмотрела на него.

Несколько секунд они стояли в середине больничного коридора. Мимо проходили люди, звонили телефоны, открывались двери.

— Сейчас это не имеет значения, — произнесла Елена.

— Для тебя имеет.

— Для меня сейчас имеет значение только её сердце.

— После операции ты меня выслушаешь?

Она увидела в его лице прежнего Максима. Не того, который просил. Того, который пытался заключить соглашение и заранее определить условия.

— Вы подпишете документы, Максим Андреевич.

Он медленно опустил руку.

— Хорошо.

Елена развернулась.

— Лена.

Она не остановилась.

— Я не знал, что снова увижу тебя так.

На этот раз Елена обернулась.

— А я не знала, что снова увижу тебя вообще.

Она ушла, прежде чем он ответил.

Подготовка заняла меньше сорока минут.

Елена успела посмотреть новые изображения, поговорить с анестезиологом, запросить дополнительные компоненты крови и позвонить заведующему рентгенэндоваскулярным отделением. На случай, если во время операции потребуется гибридное решение.

Она действовала быстро и точно.

Только один раз рука задержалась над историей болезни.

В графе «законный представитель» было указано:

«Орлов Максим Андреевич. Дед».

Елена перечитала слово.

Дед.

Не отчим. Не доверенное лицо.

Дед.

Ниже стояло имя матери:

«Орлова Ирина Сергеевна».

Отец:

«Орлов Антон Максимович, умер».

Максимович.

Елена медленно села.

Антон Максимович Орлов.

Сын Максима.

Взрослый сын, о котором он никогда ей не рассказывал.

Пять лет брака.

Общие завтраки, поездки, ночные разговоры, попытки родить ребёнка.

И ни одного слова о том, что у него уже был сын.

Не просто был.

Умер.

Елена закрыла историю.

Боль пришла не от ревности.

От масштаба незнания.

Она жила рядом с человеком, в котором существовали целые комнаты, двери которых он перед ней никогда не открывал.

Теперь внутри одной из этих комнат умирал ребёнок.

— Елена Павловна, готовы, — сообщила медсестра.

Она поднялась.

— Идём.

Лиза уже была под наркозом.

Без кислородной маски лицо казалось ещё меньше. На ресницах осталась влага. Возможно, девочка плакала, пока её вводили в сон.

Елена положила ладонь ей на голову.

Она всегда делала это перед первым разрезом.

Не суеверие.

Просто короткое прикосновение, которым напоминала себе: перед ней не диагноз и не анатомическая задача. Перед ней человек, который доверяет ей всё, даже не понимая этого.

— Начинаем, — сказала Елена.

Первые двадцать минут прошли спокойно.

Потом началось кровотечение.

Предыдущая операция изменила ткани, спайки скрывали сосуды, привычные ориентиры почти исчезли. Давление падало.

— Аспиратор, — потребовала Елена.

— Поле не вижу, — сказал Андрей.

— Я тоже. Ещё один.

Анестезиолог сообщил:

— Гемоглобин снижается. Давление шестьдесят.

— Компоненты готовы?

— Да.

— Начинайте.

Лиза была настолько маленькой, что любая потеря крови становилась значительной. Елена работала медленно, хотя каждая секунда толкала к спешке.

Она ненавидела спешку в хирургии.

Спешка заставляла руки двигаться быстрее, чем мысль.

— Вот источник, — произнесла Елена.

— Вижу.

Им удалось остановить кровотечение.

Но сердце начало давать сбой.

— Желудочковая тахикардия, — сказал анестезиолог.

Монитор запищал резче.

— Готовьте препараты.

Ритм сорвался.

Елена увидела, как Андрей посмотрел на неё.

Ни слова.

В операционной никто не произносил имён родственников.

Но Максим стоял за несколькими стенами.

Ждал.

Смотрел на закрытую дверь так же, как когда-то ждал рядом с её палатой после первой процедуры ЭКО.

Тогда он держал Елену за руку и говорил:

— Что бы ни случилось, это ничего между нами не изменит.

Изменило.

Не отсутствие ребёнка.

Его ложь.

— Разряд, — скомандовала Елена.

Тело девочки едва заметно дёрнулось.

Ритм не восстановился.

— Ещё.

Второй раз.

На мониторе появилась неровная линия.

— Есть.

Елена не позволила себе почувствовать облегчение.

— Продолжаем.

Операция длилась пять часов двадцать минут.

Когда они закончили, за окнами уже стемнело.

Лизу перевели на искусственную вентиляцию в реанимацию. Сердце работало, но требовало сильной лекарственной поддержки.

Следующие часы могли перечеркнуть всё.

Елена сняла перчатки.

На этот раз руки действительно дрожали.

Она спрятала их под струёй холодной воды.

Андрей встал рядом.

— Мы сделали хорошо.

— Мы сделали всё, что могли.

— Иногда это одно и то же.

Елена посмотрела на него в зеркало.

— Не всегда.

— Ты пойдёшь к нему?

— Я должна сообщить о результате операции.

— Я могу сам.

— Нет.

— Почему?

Елена выключила воду.

— Потому что оперировала я.

Андрей не стал напоминать, что они были двумя ведущими хирургами.

Он понимал: речь не о должности.

В коридоре возле реанимации Максим был не один.

Рядом с ним стояла молодая женщина в тёмном пальто. Она приехала недавно: волосы растрепались после дороги, на лице не было макияжа, в руках она сжимала детскую куртку.

Ирина.

Елена узнала её сразу.

На старых фотографиях женщина была беременной, улыбалась и держала руку на животе. Максим стоял рядом, касаясь её плеча.

Тогда Елена решила, что видит новую семью бывшего мужа.

Теперь Ирина выглядела не молодой соперницей. Просто измученной матерью, которая боялась потерять ребёнка.

Она шагнула к Елене.

— Как Лиза?

— Операция закончена. Мы восстановили кровоток. Во время вмешательства были тяжёлые нарушения ритма и кровотечение, но сейчас сердце работает.

Ирина прижала куртку к груди.

— Она выживет?

— Ближайшие сутки критические.

— Я могу к ней?

— Через стекло. В реанимацию пока нельзя.

Женщина закрыла рот рукой.

Максим поддержал её за локоть.

Елена увидела движение и почувствовала прежнюю боль.

Не такую острую, как раньше. Скорее глубокую, привычную. Она уже не разрывала, а напоминала, где когда-то прошёл шрам.

Ирина посмотрела на Максима.

— Ты говорил, она лучшая.

Он не сводил глаз с Елены.

— Да.

Никакой нежности между ними не было.

Елена заметила это и разозлилась на себя.

Какая разница?

Чужой ребёнок не переставал быть чужим только потому, что мужчина не держал его мать за талию.

— Медсестра проводит вас, — сказала Елена.

Ирина сделала шаг, но остановилась.

— Спасибо.

— Благодарить рано.
— Всё равно спасибо.
Елена кивнула.
Ирина ушла вслед за сестрой.
Максим остался.
— Ты знала? — спросил он.
— Что именно?
— Кто она.
— Я прочитала историю болезни.
Он опустил взгляд.
— У тебя был сын.
— Да.
— Взрослый.
— Да.

— И ты ни разу мне не сказал.
Максим несколько секунд молчал.

— Это не разговор для коридора.

Елена усмехнулась.

— Удивительно. Когда ты требовал развод, кабинет тебя вполне устраивал.

— Лена...

— Не надо.

— Я должен объяснить.

— Ты всегда должен объяснить после того, как уже всё решил.

Максим приблизился на полшага.

— Антон погиб незадолго до нашего развода.

Елена почувствовала, как гнев на мгновение отступил перед простым человеческим ужасом.

Погиб сын.

Она знала, что такое смерть ребёнка для родителей. Видела это слишком часто.

— Мне жаль, — произнесла Елена.

Максим кивнул.

— Спасибо.

— Это ничего не меняет.

— Я знаю.

— Правда?

Она впервые посмотрела на него не как врач.

— Ты привёз ко мне ребёнка женщины, ради которой бросил меня. Попросил спасти её. Потом выяснилось, что женщина была женой твоего сына, о существовании которого ты молчал весь наш брак. И теперь ты говоришь, что всё знаешь?

— Я не бросал тебя ради Ирины.

— Тогда ради кого?

Максим напрягся.

— Не здесь.

— Другого разговора сегодня не будет.

Он посмотрел на дверь реанимации.

— Я останусь с Лизой.

— Я не спрашивала.

— Ирина одна не справится.

— Разумеется. Ты всегда остаёшься там, где считаешь себя необходимым.

— Это упрёк?
— Наблюдение.
Елена хотела уйти, но Максим тихо сказал:
— Ты тоже изменилась.
Она остановилась.
— Люди меняются, когда им приходится собирать себя после чужих решений.
— Я не хотел тебя уничтожить.
Елена повернулась.
— Ты сказал, что любишь другую. Положил передо мной документы и попросил не устраивать сцен. Потом написал: «Не ищи меня. Я сделал выбор». Какого результата ты ожидал?
Он побледнел.
— Ты помнишь сообщение.
— Такие вещи сложно забыть.
— Ты писала мне перед этим.
Внутри Елены всё сжалось.
— Да.
— Я не прочитал до конца.
Она смотрела на него и не понимала.
— Что?
— Увидел начало на экране. Что клиника ошиблась. Я решил, ты хочешь снова говорить о нашей попытке и разводе.
— И не открыл?
Максим провёл ладонью по лицу.
— Не открыл.
Елена почувствовала такой холод, что на мгновение перестала слышать звуки реанимации.
Он не потерял сообщение.
Не сменил номер.
Не находился без связи.
Он просто не открыл.
Там была её последняя попытка сказать:
«Я беременна».
— Почему? — спросила она.
Максим не ответил сразу.
— Потому что уже принял решение.
Елена кивнула.
— Конечно.
— Лена...
— Не называй меня так.
Она ушла.
В кабинете было темно. Елена не стала включать верхний свет, только настольную лампу.
На столе лежали истории болезней, журнал операций и телефон с семнадцатью пропущенными вызовами.
Большинство — от Полины.
Елена посмотрела на время.
Почти десять вечера.
Няня должна была оставаться с мальчиками до девяти.
Она сразу перезвонила.
Дочь ответила после первого гудка.

— Мам, наконец-то.

— Что случилось?

— Валентина Петровна заболела. Температура под сорок. Я приехала к мальчикам, но мне нужно было забрать документы из офиса. Я звонила тебе.

— Я была в операционной.

— Я поняла.

На заднем плане кто-то заплакал.

Елена узнала голос Ильи.

— Где вы?

— Уже в центре.

— Что?

— Я привезла их. Мы в административном корпусе, в твоей приёмной. Тамара Николаевна нас пустила.

— Полина, сюда нельзя было везти детей.

— А куда? Оставить одних? Я думала, ты освободишься раньше.

Елена закрыла глаза.

— Сейчас приду.

Она поднялась слишком резко. Перед глазами потемнело.

Пять часов операции, почти сутки без нормальной еды, встреча с Максимом — тело наконец решило напомнить о себе.

Елена оперлась на стол.

Телефон снова зазвонил.

На этот раз звонила реанимация.

— Елена Павловна, у Лизы давление снизилось. Мы увеличили поддержку.

— Газы?

Ей продиктовали показатели.

— Сделайте контрольное эхо. Я подойду через десять минут.

Она положила телефон в карман.

Сначала дети.

Потом пациентка.

Елена быстро прошла в административный корпус. После десяти вечера здесь было тихо. Секретари ушли, большая часть кабинетов пустовала.

Дверь её приёмной была открыта.

Миша сидел на диване и листал книгу вверх ногами. Илья стоял возле окна, прижимая к груди плюшевого зайца. Полина ходила по кабинету с телефоном у уха.

Увидев мать, она завершила звонок.

— Слава богу.

Мальчики бросились к Елене одновременно.

Она опустилась на колени и обняла обоих.

— Мама, ты долго, — пожаловался Миша.

— Я знаю.

— Ты опять чинила сердце?

— Да.

Илья молчал. Только сильнее прижался.

Он всегда реагировал тише брата. Не плакал, не требовал, не задавал вопросов. Просто становился напряжённым и следил, чтобы мать не исчезла снова.

Елена погладила его по волосам.

— Я здесь.

— Домой? — спросил Илья.

— Скоро.

Полина посмотрела на мать внимательнее.

— Ты белая.

— Устала.

— Или что-то случилось?

Елена поднялась.

— Сейчас не время.

— Мам.

— Полина.

Дочь знала этот тон.

Но за тридцать лет жизни успела научиться ему не подчиняться.

— Это был он? — спросила она.

Елена замерла.

— Кто?

— В приёмном. Я видела фамилию в журнале посетителей. Максим Орлов.

Миша продолжал листать книгу.

Илья смотрел на мать.

Елена взяла дочь за локоть и отвела к двери.

— Он привёз ребёнка.

— Своего?

— Девочку Ирины.

Полина побледнела.

Она помнила всё. Беременность матери, которую та скрывала до последнего. Преждевременные роды. Реанимацию. Два крошечных тела в прозрачных боксах. Ночи, когда Елена сидела возле Ильи и боялась закрыть глаза.

Полина ненавидела Максима не за то, что он ушёл.

За то, что после его ухода матери пришлось быть сильной там, где сильным быть не должен никто.

— Он здесь? — спросила дочь.

— Возле реанимации.

— Он не должен видеть мальчиков.

— Я знаю.

— Мам, мы уйдём через служебный выход.

Елена посмотрела на часы.

— Мне нужно вернуться к пациентке.

— Тогда я увезу их.

— Одна?

— Я взрослая.

— Ты за рулём с утра.

— И что ты предлагаешь?

Елена не успела ответить.

В коридоре послышались шаги.

Не быстрые, но тяжёлые.

Она узнала их раньше, чем увидела человека.

Так же когда-то Максим ходил по их квартире: уверенно, без суеты, словно весь мир заранее уступал ему дорогу.

Он появился в конце коридора.

Вероятно, искал Елену после ухудшения состояния Лизы.

Сначала Максим увидел её.

Потом Полину.

Остановился.

Полина изменилась за четыре года. Стала старше, коротко подстриглась, научилась смотреть на людей без прежней девичьей открытости.

— Полина, — сказал Максим.

— Максим Андреевич.

Ни тепла, ни удивления.

Только холодная вежливость.

Миша выглянул из кабинета.

— Мам, мы идём?

Максим повернул голову.

Елена увидела момент, когда он заметил ребёнка.

Не понял ещё.

Просто увидел маленького мальчика в синем свитере, с растрёпанными волосами и книгой в руках.

Следом вышел Илья.

Близнецы не были совершенно одинаковыми. Миша был выше и худее, Илья — крепче, с более округлым лицом. Но сходство между ними не оставляло сомнений.

Так же как сходство с Максимом.

Елена всегда считала, что мальчики похожи на неё. Особенно глаза.

Теперь, глядя на троих вместе, поняла, насколько сильно ошибалась.

Та же линия бровей.

Тот же подбородок.

То же выражение сосредоточенного недовольства, которое появлялось у Максима, когда он пытался разобраться в сложной ситуации.

Миша прикусил нижнюю губу.

Максим едва заметно вздрогнул.

Он делал так же.

Всегда.

Перед важным разговором, перед операцией Елены, когда боялся, но не хотел показывать.

Илья поднял левую руку и сжал пальцы в кулак.

Максим посмотрел на собственную ладонь.

Елена поняла: он уже начал считать.

Возраст.

Сроки.

Развод.

Последняя попытка.

Сообщение, которое он не открыл.

— Кто это? — спросил Миша.

Полина быстро встала между детьми и Максимом.

— Знакомый бабушки.

— Я не бабушка, — машинально сказала Елена.

Миша посмотрел на неё.

— Тётя Тамара сказала, что ты будешь бабушкой, когда Полина родит.

— Тётя Тамара слишком много разговаривает.

В другой ситуации Елена улыбнулась бы.

Сейчас никто не улыбнулся.

Максим не отрывал взгляда от мальчиков.

— Сколько им лет? — спросил он.
Голос стал хриплым.
Полина посмотрела на мать.
Елена молчала.
Дочь ответила сама:
— Недавно исполнилось три.
Максим закрыл глаза на секунду.
Три года.
Сомнений больше не осталось.
Он сделал шаг вперёд.
Илья сразу спрятался за Полину.
Миша остался стоять, рассматривая незнакомого мужчину с таким же любопытством, с каким изучал новый аппарат или человека в форме.
— Как вас зовут? — спросил мальчик.
Максим открыл рот.
Не ответил.
Елена никогда не видела его таким.
Он переживал ранения, похороны сослуживцев, проверки, угрозы. Даже в день развода лицо оставалось почти неподвижным.
Теперь оно разрушилось.
Не громко.
Не красиво.
Просто исчезло привычное выражение человека, который всё контролирует.
Остался мужчина, внезапно увидевший три пропущенных года.
Полина взяла мальчиков за руки.
— Пойдёмте. Посидите в мамином кабинете.
— А мама? — спросил Илья.
— Мама сейчас придёт.
— Она не уйдёт?
Елена опустила перед сыном.
— Я никуда не исчезну. Мне нужно поговорить с этим человеком, потом мы поедem домой.
Илья недоверчиво посмотрел на Максима.
— Он плохой?
Полина резко вдохнула.
Елена почувствовала взгляд бывшего мужа.
— Он взрослый, — ответила она. — А взрослые иногда делают плохие вещи.
Максим не возразил.
Полина увела мальчиков в свободный кабинет. Миша оглянулся через плечо. Илья не оглядывался.
Дверь закрылась.
Коридор опустел.
Максим смотрел на Елену.
— Лена...
— Не здесь.
— Это мои дети?
Она не ответила сразу.
Не потому, что хотела мучить его.
Просто внутри вдруг поднялось всё, что Елена держала три года.

Первый положительный анализ.
Пустой коридор клиники.
Сообщение без ответа.
Его короткое:
«Я сделал выбор».
Два сердцебиения на УЗИ.
Страх.
Роды на седьмом месяце.
Миша, закричавший сразу.
Илья, которого унесли молча.
Пустой стул возле её кровати.
Документы, где в графе «отец» стояло имя человека, который даже не знал об их существовании.
Три дня рождения.
Первые шаги.
Первые слова.
Все вопросы мальчиков, на которые она отвечала:
«Папа живёт далеко».
Максим приблизился.
— Чьи это дети?
Теперь в его голосе не было приказа.
Только страх.
Елена посмотрела ему прямо в глаза.
— Твои, Максим.
Он пошатнулся, словно получил удар.
Но Елена не закончила.
— Только отцом ты опоздал стать на три года.

Глава 2. Сообщение, которое он не открыл

Максим не пошатнулся.

Наверное, со стороны никто даже не заметил, что с ним произошло. Он не схватился за стену, не повысил голос, не потребовал немедленно привести детей обратно.

Только лицо стало неподвижным.

Слишком неподвижным.

Елена знала это выражение. Таким Максим становился, когда получал плохие новости и запрещал себе реагировать раньше, чем поймёт, что делать дальше.

Когда-то эта способность казалась ей признаком силы.

Теперь она видела в ней только привычку запираť всё человеческое за плотно закрытой дверью.

— Твои, Максим, — повторила Елена. — Но отцом ты опоздал стать на три года.

Он смотрел на неё так, словно слышал слова, но не сумел соединить их в понятный смысл.

— Близнецы?

Елена ничего не ответила.

Вопрос был бессмысленным. Максим только что видел двух одинаково взволнованных мальчиков. Слышал их возраст. Сам посчитал месяцы.

Но, вероятно, ему требовалось произнести это вслух.

— Оба мои? — спросил он.

Елена медленно вдохнула.

— Да.

— Ты уверена?

Она усмехнулась.

Звук получился негромким и совершенно безрадостным.

— Вот с этого ты решил начать?

Максим закрыл глаза.

— Нет. Прости.

— Не надо произносить это слово только потому, что не знаешь, что ещё сказать.

— Я знаю, что сказать.

— Правда? Тогда ты на три года быстрее, чем мне казалось.

Он пропустил удар.

Раньше Максим не позволял разговаривать с собой таким тоном. Не потому, что был грубым или высокомерным. Он просто умел одним взглядом остановить человека до того, как тот переходил границу.

С Еленой это никогда не работало.

В начале их отношений именно это ему в ней нравилось.

Позднее он, видимо, решил, что её характер можно обойти молчанием.

Максим сделал шаг к двери кабинета, за которой находились мальчики.

Елена сразу встала на его пути.

— Нет.

— Я хочу их увидеть.

— Ты уже увидел.

— Лена, я только что узнал, что у меня есть двое сыновей.

— Не называй меня так.

Он остановился.

— Елена.

Так было правильное.

Холоднее.

Безопаснее.

— Я хочу поговорить с ними.

— А что ты собираешься сказать трёхлетним детям? — спросила она. — Что ты их отец и три года не приходил, потому что не открыл сообщение от их матери?

Максим вздрогнул.

Слова достигли цели.

— Я не знал.

— Это не оправдание.

— Я не говорю, что это оправдание.

— Тогда не повторяй.

Он посмотрел на закрытую дверь.

За ней Миша что-то громко рассказывал Полине. Разобрать слова было невозможно, но его голос звучал спокойно. Илья молчал.

Елена представила, как он стоит возле сестры, сжимает зайца и прислушивается к каждому звуку в коридоре.

Илья боялся незнакомых людей.

Особенно мужчин.

Не потому, что с ним произошло что-то страшное. Просто в их доме мужчины появлялись редко. Курьеры, врачи, соседи, иногда коллеги Полины. Никто не задерживался надолго.

Елена не считала это проблемой.

До сегодняшнего дня.

— Они знают обо мне? — спросил Максим.

— Нет.

— Совсем ничего?

— Знают, что у них есть отец.

— И?

— Что он живёт далеко.

— Почему ты сказала именно так?

— Потому что это было проще, чем объяснять детям, что их отец находится неизвестно где и однажды приказал мне его не искать.

— Ты могла сказать, что я умер.

— Я врач. Мне хватает настоящих мёртвых, чтобы не придумывать новых.

Максим провёл рукой по волосам.

Елена заметила, как сильно поседела его виски. Несколько часов назад это поразило её. Сейчас она смотрела и думала, что у него были почти четыре года, чтобы постареть постепенно.

У неё эти годы сжались в несколько резких кадров.

Положительный анализ.

Два плодных яйца на экране.

Преждевременные роды.

Илья под аппаратом дыхательной поддержки.

Миша, уснувший у неё на груди.

Первый шаг.

Первое слово.

Первый день рождения.

Максим ничего этого не видел.

Но и она не видела его жизнь.

Где он находился?

Кого хоронил?

Кого спасал?

Кого называл своей семьёй?

Елена запретила себе задавать эти вопросы.

— Отойди от двери, — сказала она. — Полина сейчас увезёт мальчиков.

— Куда?

— Домой.

— Я хочу знать, где они живут.

— Ты узнаешь это тогда, когда я решу, что твоё появление не разрушит им жизнь.

Максим посмотрел на неё тяжело.

— Ты не можешь запретить мне видеть собственных детей.

— Могу.

— Юридически...

— Не смей.

Голос Елены прозвучал негромко, но Максим замолчал.

— Не смей начинать со мной разговор о юридических правах, — продолжила она. — Не сегодня. Не после того, как три года не знал даже их имён.

— Как их зовут?

Она пожалела, что сказала это.

Максим произнёс вопрос почти шёпотом.

Не как человек, который собирался спорить.

Как отец, впервые спрашивающий, какие имена дали его детям.

— Михаил и Илья.

Он повторил:

— Михаил. Илья.

Имена прозвучали в его голосе чужими.

Елена почувствовала неожиданную злость.

Она произносила их тысячи раз.

Во время беременности — осторожно, чтобы не привязываться слишком сильно.

После рождения — возле инкубаторов, когда просила мальчиков дышать.

Ночью, когда один будил второго.

Утром, когда оба забирались к ней в постель.

Максим получил их имена сейчас. За несколько секунд. Без всех месяцев страха, которые стояли за каждым.

— Кто старше? — спросил он.

— Миша. На семь минут.

— Илья был в реанимации?

Елена посмотрела на него.

— Почему ты решил?

— Он меньше.

Мальчики почти сравнялись по росту, но Илья действительно оставался немного ниже и худее брата.

Максим заметил это сразу.

Елена не знала, что испытывает: раздражение или болезненное удовлетворение от того, что он сумел различить сыновей после одной встречи.

— Да, — ответила она. — Несколько недель.

— Из-за сердца?

— Нет. Дыхательная недостаточность, инфекция, последствия недоношенности.

— Насколько рано они родились?

Елена не успела ответить.

Дверь административного корпуса открылась, и по коридору быстрым шагом прошла медсестра из реанимации.

Увидев Елену, она ускорила шаг.

— Елена Павловна, простите. Мы вас ищем. У Лизы снова падает давление. Вадим Николаевич уже делает эхо.

Разговор закончился.

Не потому, что Елена приняла такое решение.

Просто где-то за стенами маленькое сердце снова потребовало всего её внимания.

Она развернулась к Максиму.

— Оставайтесь здесь.

Обращение на «вы» вернулось само.

Он будто тоже это заметил.

— Я пойду с тобой.

— Нет.

— Это моя внучка.

— А это реанимация.

Елена открыла дверь кабинета. Полина стояла возле стола, уже одетая. Миша сидел на подоконнике, Илья держал её за руку.

— Уезжайте, — сказала Елена дочери. — Прямо сейчас.

Полина посмотрела за её плечо и увидела Максима.

— Он знает?

— Да.

— И что теперь?

— Теперь вы поедете домой.

— Мам, я могу остаться.

— Не можешь. Мальчикам давно пора спать.

Миша соскочил с подоконника.

— А ты?

— Я останусь в больнице.

Илья сразу сильнее сжал пальцы Полины.

— Ты обещала домой.

Елена опустила голову перед ним.

Внутри всё торопило её: реанимация, падающее давление, послеоперационное сердце. Но рядом стоял её сын, для которого обещание матери было не менее важным, чем показатели на мониторе.

— Я сказала, что мы скоро поедим домой, — произнесла она. — Но у девочки, которую я оперировала, снова заболело сердце. Мне нужно помочь ей.

Илья нахмурился.

Та самая складка между бровями.

Елена не позволила себе посмотреть на Максима.

— Ты придёшь потом? — спросил мальчик.

— Обязательно.

— Когда я буду спать?

— Возможно.

— А утром будешь?

— Буду.

Он подумал и кивнул.

Миша подошёл ближе.

— А девочка не умрёт?

Взрослые часто ругали детей за прямые вопросы. Елена никогда этого не делала.

— Я постараюсь, чтобы не умерла.

— Она маленькая?

— Как вы.

— Тогда постарайся сильно.

— Хорошо.

Она поцеловала обоих.

Когда поднялась, Максим стоял неподвижно. Его лицо изменилось.

Елена не хотела понимать, что он чувствовал, слушая разговор с детьми, которых не знал.

— Полина, — сказал он.

Дочь повернулась к нему.

— Что?

Максим явно не ожидал такой жёсткости. Когда они жили вместе, Полина называла его просто Максимом. Иногда спорила с ним, иногда просила помочь, пару раз доверяла то, что не рассказывала матери.

Теперь перед ним стояла взрослая женщина, которая три года помогала растить его сыновей.

— Я хотел бы...

— Не надо, — остановила его Полина. — Сейчас не надо ничего хотеть.

— Я не знал о них.

— Вы много чего не знали. Видимо, это было вашим любимым состоянием.

Елена резко посмотрела на дочь.

— Полина.

— Что? Он должен понимать, что здесь не получится войти в дверь и получить готовых детей.

Максим не ответил.

Полина одела Мише шапку, поправила шарф Ильи и взяла мальчиков за руки.

Когда они проходили мимо Максима, Миша снова посмотрел на него.

— А ты кто?

Никто не успел подготовиться к вопросу.

Елена почувствовала, как весь коридор замер.

Максим опустил на корточки, но не стал приближаться.

— Меня зовут Максим.

— Ты знаешь маму?

— Знаю.

— Давно?

Он посмотрел на Елену.

— Очень давно.

— А почему раньше не приходил?

Полина крепче сжала детскую руку.

Максим мог солгать.

Сказать, что жил далеко. Что работал. Что не мог.

Он произнёс:

— Потому что совершил большую ошибку.

Миша серьёзно кивнул.

— Мама тоже иногда ошибается.

— Я знаю.

— Она соль вместо сахара насыпала.

Полина закрыла глаза.

Елена почти улыбнулась.

Почти.

— Идём, — сказала дочь.

Мальчики ушли.

Максим смотрел им вслед до тех пор, пока двери лифта не закрылись.

Затем повернулся к Елене.

— Я хочу адрес.

— Нет.

— Хотя бы позволь увидеть их завтра.

— Нет.

— Почему?

— Потому что они не игрушки, которые можно обнаружить и сразу забрать домой. Им нужно объяснить, кто ты. Мне нужно поговорить с психологом. И понять, собираешься ли ты остаться дольше, чем до следующего приказа.

Максим хотел возразить.

Елена не дала.

— Сейчас у тебя есть другая внучка, которая может не пережить ночь.

Это сработало.

Он отступил.

— Иди.

Она ушла в реанимацию.

Лиза лежала неподвижно. Аппарат заставлял её грудную клетку подниматься и опускаться. Кожа казалась почти прозрачной.

Вадим Николаевич водил датчиком по маленькой груди.

— Функция снижена, но критической тампонады нет, — сообщил он. — Давление просело на фоне вазоплегии. Поддержку уже подняли.

Елена подошла к монитору.

— Лактат?

— Растёт, но медленно.

— Диурез?

— Снизился.

Она изучала цифры, задавала вопросы, проверяла назначения. Постепенно давление начало отвечать на препараты.

Не чудо.

Не окончательная победа.

Только несколько часов, которые ребёнок отвоевал у смерти.

— Оставляем текущую поддержку, — решила Елена. — Газы через тридцать минут. Эхо повторить через два часа. Если давление снова упадёт, звоните сразу.

— Вы домой? — спросила сестра.

Елена посмотрела на часы.

— Пока нет.

Она вышла из реанимации.

Максим сидел на стуле возле стены, наклонившись вперёд и сцепив руки. Рядом стоял нетронутый стакан воды.

Услышав шаги, он поднялся.

— Что?

— Стабилизировали.

Он закрыл глаза и медленно выдохнул.

— Спасибо.

— Благодарить пока рано.

— Я уже слышал.

— Тогда не заставляй повторять.

Елена собиралась пройти мимо, но Максим встал на пути.

Не угрожающе.

Просто не позволил сделать вид, что разговор можно отложить навсегда.

— Нам нужно поговорить.

— Мне нужно проверить назначения.

— Ты уже проверила.

— У меня целое отделение.

— А у меня только что появились двое сыновей.

Елена посмотрела на него.

— Они не появились. Они жили все эти три года.

Он принял удар.

— Хорошо. Я только что узнал о них. И я не уйду, пока ты не расскажешь всё.

— Ты умеешь уходить, Максим. Не преуменьшай собственные способности.

Его челюсть напряглась.

— Я не требую прощения.

— Какая щедрость.

— Я требую разговора.

— Требовать ты больше ничего не можешь.

Они стояли возле реанимации, в нескольких метрах от палаты Лизы. Медсёстры проходили мимо, стараясь не смотреть на них.

Елена почувствовала усталость.

Не физическую.

Ту, что накапливалась годами от незаконченного разговора.

Возможно, лучше было произнести всё сейчас. Не ради Максима. Ради себя.

Она кивнула в сторону пустой комнаты для консультаций.

— Пятнадцать минут.

— Мне понадобится больше.

— Тогда научись укладываться.

Елена открыла дверь.

Комната была маленькой: стол, четыре стула, раковина, шкаф с бланками. Здесь врачи разговаривали с родителями после консилиумов. Иногда сообщали хорошие новости. Чаще объясняли риски.

Сегодня Елена собиралась рассказать мужчине о первых трёх годах жизни его детей.

Максим закрыл дверь.

Он не сел.

Елена заняла стул за столом.

— Садись. Мне неудобно смотреть снизу вверх.

Он подчинился.

Несколько секунд они молчали.

Раньше тишина между ними была спокойной. Максим мог читать, Елена готовила статьи, и им не требовалось доказывать близость постоянными разговорами.

Теперь молчание было заполнено всем, чего они друг другу не сказали.

Максим начал первым:

— Когда ты узнала?

— Через четыре дня после того, как подписала заявление о разводе.

— Первый анализ был отрицательным.
— Слишком ранним. Врач просила повторить через несколько дней, но мы оба решили, что попытка закончилась.
— Ты мне не сказала, что назначен повторный.
— Я сказала.
— Нет.
— В клинике. Ты стоял возле окна и отвечал Ирине. Я напредила о повторном анализе. Ты сказал: «Сделай, если хочешь, но не мучай себя».
Он замер.
В памяти, вероятно, возник тот день.
Белые стены клиники.
Уставшая Елена.
Телефон в его руке.
— Я не помню, — признался Максим.
— Конечно. Для тебя это был один разговор. Для меня — последний день, когда я ещё считала нас семьёй.
— Что произошло потом?
Елена посмотрела на его руки.
Сильные, загорелые, с белым шрамом на правой ладони.
Такими руками он когда-то придерживал её после процедуры. Грел ей ступни, когда от гормонов знобило. Собирает детскую кроватку, которую они купили слишком рано и затем убрали в кладовую.
Эти руки ни разу не держали сыновей младенцами.
— Я пришла в клинику одна, — начала Елена. — Была уверена, что результат снова отрицательный. Хотела просто закрыть вопрос и прекратить принимать препараты.
Максим слушал, не перебивая.
— Врач долго смотрела на экран. Потом попросила сдать кровь ещё раз. Через несколько часов позвонила и сказала, что ХГЧ растёт.
— Один ребёнок?
— Сначала думали, что один. На первом УЗИ увидели два плодных яйца.
Он опустил голову.
— Двойня.
— Близнецы.
— Ты была одна на УЗИ?
— Да.
Слово прозвучало просто.
Без обвинения.
Именно поэтому Максим сжал руки сильнее.
— Я хотела тебе позвонить сразу, — продолжила Елена. — Потом решила дождаться подтверждения сердцебиения. Боялась, что беременность сорвётся и мне придётся сообщать тебе сначала о ребёнке, а потом о его потере.
— Но ты написала раньше.
— После того как врач сказала, что показатели хорошие.
— Сообщение.
— Да.
Максим посмотрел на неё.
— «Перезвони. Это не о разводе. Клиника ошиблась».
Он помнил дословно.
Елена почувствовала, как внутри поднимается прежняя боль.

— Значит, ты всё-таки видел.

— Первые две строки появились на экране.

— И ты не открыл.

— Нет.

— Почему?

Он отвёл взгляд.

— В тот день мне сообщили, что Антон погиб.

Елена замерла.

Этого она не знала.

— В тот же день?

— За несколько часов до твоего сообщения.

Гнев не исчез.

Но к нему добавилось другое.

Максим сидел перед ней в день, когда узнал о смерти взрослого сына. Она писала о беременности. Он не открыл.

Две жизни встретились на экране телефона и разошлись, потому что один человек решил ничего не узнавать.

— Где ты был? — спросила Елена.

— В морге.

Она закрыла глаза.

Перед ней возник не тот Максим, который холодно подписывал документы о разводе. Другой. Стоящий возле металлического стола и смотрящий на сына, с которым едва успел восстановить отношения.

— Мне жаль Антона, — сказала она. — Правда жаль.

— Я не использую его смерть как оправдание.

— Но называешь причиной.

— Причиной того, почему я не открыл сообщение в ту минуту.

— А потом?

Максим молчал.

— Потом прошёл день, — продолжила Елена. — Два. Неделя. Месяц. Ты так и не открыл?

— Нет.

— Ты удалил его?

— Архивировал переписку.

— Даже не прочитав?

— Да.

Елена откинулась на спинку стула.

— Поразительно.

— Я знал, что если прочитаю всё, то позвоню.

— И это было бы ужасно.

— Я уже решил, что должен исчезнуть из твоей жизни.

— Ты решил.

— Да.

— Сам.

— Да.

— За нас обоих.

— Да.

Он не пытался смягчить слова.

Не говорил, что хотел добра.

Это немного помогало.

Недостаточно.

— Тебе достаточно было нажать на сообщение, — произнесла Елена. — Одного движения пальцем. Но ты уже решил, что моя правда тебе не нужна.

— Я думал, что ты хочешь рассказать об ошибке клиники. Об отрицательном анализе, неверных препаратах или ещё одной возможности...

— Ещё одной возможности у нас не было. Ты это знал.

— Знал.

— Тогда что именно ты боялся прочитать?

Максим поднял на неё глаза.

— Что ты попросишь вернуться.

Елена несколько секунд смотрела на него.

— А ты бы вернулся?

— Да.

Ответ прозвучал сразу.

— Значит, поэтому не открыл.

— Да.

— Потому что боялся, что любишь меня недостаточно, чтобы остаться?

— Потому что любил достаточно, чтобы не выдержать твоей просьбы.

Елена почувствовала, как поднимается раздражение.

— Не превращай трусость в красивую жертву.

— Я не превращаю.

— Именно это ты делаешь. Ты говоришь: «Я так сильно тебя любил, что не смог прочитать сообщение». Звучит почти благородно.

— Это не было благородством.

— Тогда чем?

Максим долго молчал.

— Страхом.

Елена ждала.

— Я боялся, что останусь, — продолжил он. — Что ты узнаешь всё о Павле, о приказе, о том, почему я вообще появился рядом с тобой. И тогда увидишь во мне человека, который сначала погубил твоего мужа, а потом занял его место.

— Поэтому решил стать изменником.

— Да.

— Логично.

— Нет.

Он впервые повысил голос.

Совсем немного.

Но Елена услышала живого человека под многолетним контролем.

— Ничего в этом не было логичного, — сказал Максим. — Я был уверен, что защищаю тебя от расследования, от прессы, от необходимости выбирать сторону. На деле я просто испугался.

— Наконец-то честно.

— Я испугался, что ты согласишься на меня и увидишь убийцу Павла.

— А я смотрела на тебя и видела мужчину, который ждёт ребёнка от другой женщины.

Думаешь, это было легче?

— Нет.

— Но именно это ты выбрал.

Максим опустил голову.

Елена посмотрела на часы.

Пятнадцать минут давно прошли.

Она не встала.

— Что ты ответил мне? — спросила она.

Он снова произнёс по памяти:

— «Не ищи меня. Я сделал выбор».

— Ты сделал?

— Да.

— Какой?

Максим посмотрел прямо на неё.

— Остаться один.

Елена усмехнулась.

— Не получилось. Рядом была Ирина. Беременная. Ты водил её по больницам, переводил деньги, снимал жильё. У вас родилась девочка.

— У Антона родилась дочь.

— Я этого не знала.

— Знаю.

— Для меня картинка выглядела иначе. У моего мужа появилась молодая беременная женщина. Он сказал, что наш брак закончен. Потом уехал с ней.

— Я не жил с Ириной как мужчина.

— Но жил рядом с ней как семья.

— Она была вдовой моего сына.

— Которого ты от меня скрывал.

Он не возразил.

— Через неделю после твоего сообщения мне прислали документы о разводе, — продолжила Елена. — Уже подписанные. Я увидела фотографию, где ты выходишь с Ириной из клиники. Она держала руку на животе, а ты открывал перед ней дверь машины.

Максим закрыл глаза.

— Это была клиника, где наблюдали Лизу ещё до рождения. Порок обнаружили на скрининге.

— Я не знала.

— Я должен был сказать.

— Должен был.

— Почему ты не попыталась связаться со мной ещё раз?

Вопрос всё равно прозвучал.

Елена знала, что он появится.

И всё равно почувствовала боль.

— Я попыталась.

— Один раз.

— Этого должно было быть достаточно.

— Речь шла о детях.

— Тогда я ещё не знала, что выношу их.

— Ты могла найти меня через службу.

— Могла.

— Через Наталью.

— Могла.

— Через моего командира.

— Могла.

Максим ждал.

Елена не стала прятаться за обидой.

— Я могла позвонить ещё раз. Могла найти тебя через службу. Могла приехать лично. Но я была беременна, унижена и уверена, что ты уже ждёшь другого ребёнка. Я не захотела использовать сыновей, чтобы удержать мужчину, который велел меня не искать.

— Я бы вернулся.

— А я не хотела, чтобы ты возвращался из обязанности.

— Ты не имела права решать это за меня.

Тишина стала плотной.

Елена медленно подняла голову.

— Повтори.

Максим понял.

Он сам только что произнёс то обвинение, которое все эти годы принадлежало ей.

— Ты не имела права решать за меня, хочу ли я быть отцом, — сказал он тише.

— А ты имел право решать, какую правду я способна выдержать?

— Нет.

— Тогда не начинай сейчас изображать единственную жертву.

— Я не изображаю.

— Ты спрашиваешь, почему я не бежала за тобой после того, как ты потребовал развод, отказался прочитать сообщение и приказал тебя не искать.

— Потому что я потерял три года жизни сыновей.

— А я их прожила.

Максим замолчал.

— Я прожила каждый день, который ты потерял, — продолжила Елена. — Беременность. Анализы. Страх, что организм не выдержит. Роды. Реанимацию. Бессонные ночи. Первые болезни. Я не держала их в шкафу три года, чтобы однажды эффектно показать тебе.

— Я этого не говорил.

— Но именно так звучит твоя претензия.

Он сжал губы.

— Расскажи о родах.

Просьба прозвучала неожиданно.

Не вопрос о правах.

Не требование адреса.

Просто просьба.

Елена отвела взгляд.

— На тридцать четвёртой неделе началась преэклампсия. Давление не удавалось снизить. Врачи решили не ждать.

— Кесарево?

— Да.

— Ты была в сознании?

— Спинальная анестезия.

— Полина была рядом?

— До операционной. Потом ждала снаружи.

— Кто родился первым?

— Миша. Закричал почти сразу.

Максим закрыл глаза.

Елена видела, как он пытается представить момент, которого не было в его жизни.

— Илья?

— Не закричал.

— Почему?

— Дыхательные нарушения. Его сразу унесли.
— Ты увидела его?
— На несколько секунд.
— А потом?
— Потом меня перевели в палату. Мишу принесли через несколько часов. Илью я увидела на следующий день в реанимации.
— Он был под аппаратом?
— Да.
— Сколько?
— Девять дней на дыхательной поддержке. Потом инфекция. Потом снова ухудшение. Максим провёл ладонью по лицу.
— Ты была одна.
— Полина была рядом.
— Я имел в виду...
— Я знаю, что ты имел в виду.
Он опустил руки.
— Почему ты не потребовала алименты?
— Мне хватало денег.
— Это не ответ.
— Я не хотела получать от тебя ежемесячное напоминание.
— Деньги предназначались бы детям.
— У детей всё было.
— Кроме отца.
Елена почувствовала, как что-то болезненно дёрнулось внутри.
— Не смей произносить это так, будто я отняла тебя у них.
— Я не говорю, что только ты виновата.
— Но уже делишь ответственность.
— Она и правда не только моя.
Елена встала.
Стул резко отодвинулся.
— Разговор окончен.
Максим тоже поднялся.
— Нет.
— Для тебя, возможно, нет. Для меня да.
— Я должен знать, записан ли я отцом.
Она остановилась у двери.
— Записан.
— Что?
— Твоё имя стоит в обоих свидетельствах о рождении.
Максим замер.
— Ты указала меня?
— Закон указал. Дети родились вскоре после развода. Презумпция отцовства.
— Какая у них фамилия?
— Соколовы.
Он кивнул.
Как будто это решение причинило боль, но он понимал его.
— Отчество?
— Максимовичи.
Теперь он не смог скрыть реакцию.

Глаза закрылись.

Губы дрогнули.

Михаил Максимович Соколов.

Илья Максимович Соколов.

Елена когда-то долго смотрела на эти строки в документах. Имя Максима находилось там с первого дня и казалось издевательством.

Отец существовал в свидетельстве.

В роддоме его не было.

В реанимации не было.

На выписке не было.

На фотографиях первого дня рождения не было.

— Ты оставила моё отчество, — произнёс он.

— Оно их по закону.

— Могла оспорить.

— У меня не было другого отца, которого я хотела бы вписать.

Максим посмотрел на неё.

— Значит, ты не сомневалась...

— В чём?

— Что они мои.

Елена устало закрыла глаза.

— Не возвращайся к этому вопросу.

— Я не сомневаюсь.

— Ты уже спросил.

— Это был шок.

— Для тебя всё сегодня шок. Для меня это три года жизни.

Он медленно подошёл к столу и опёрся ладонью о край.

— Я хочу копии свидетельств.

— Нет.

— Почему?

— Потому что сейчас ты получишь только то, что нужно детям. Не тебе.

— Я их отец.

— Биологически и юридически.

— Этого достаточно, чтобы иметь права.

— И снова мы вернулись к правам.

— Я не собираюсь забирать их у тебя.

— Хорошо.

— Но ты не можешь полностью исключить меня из их жизни.

— Это зависит от того, что ты называешь включением.

— Я хочу увидеть сыновей завтра.

— Нет.

— Послезавтра.

— Нет.

— Через неделю.

— Я сказала: сначала поговорю с детским психологом.

— Они здоровы?

— В целом да.

— В целом?

— Миша здоров. У Ильи остаются последствия недоношенности, но ничего критического. Наблюдение у невролога, пульмонолога, повышенная тревожность.

— Я могу помочь.

— Чем?

— Всем.

— Очень конкретно.

— Деньгами, врачами, временем.

— У них есть врачи. Деньги. И время людей, которых они знают.

— А отец им не нужен?

Елена почувствовала удар.

— Нужен, — ответила она. — Именно поэтому я не позволю тебе войти к ним сегодня, назвать себя папой, а через неделю уехать.

— Я не уеду.

— Ты прилетел с Лизой из другого региона. У тебя там жизнь, работа, Ирина.

— У меня там внучка, которой нужна операция. Работа решается.

— Всё у тебя решается.

— Не всё.

Он посмотрел на неё так, что Елене пришлось отвернуться.

— Я хочу встретиться с психологом, — сказал Максим. — С любимым, кого ты выберешь. Хочу сделать всё правильно.

— Ты не знаешь, что правильно.

— Поэтому спрашиваю.

Это было новым.

Максим не спрашивал.

Он сообщал, предлагал готовый план, брал ответственность. Даже когда Елена просила просто побыть рядом, он начинал решать проблему.

Теперь он сидел перед ней и признавал, что не знает.

Елена не собиралась награждать его за минимальную способность учиться.

Но услышала.

— Я поговорю со специалистом, — сказала она. — Потом сообщу Полине, когда и где возможна встреча.

— Почему через Полину?

— Потому что пока я не хочу, чтобы у тебя был мой личный номер.

— Он у меня есть.

— Старый.

— Ты не меняла.

Елена замерла.

— Откуда ты знаешь?

— Я звонил.

— Когда?

Максим отвёл взгляд.

— Несколько раз.

— За четыре года?

— Да.

— И?

— Не нажимал вызов.

Она медленно кивнула.

В этом был весь Максим.

Набрать номер.

Не позвонить.

Увидеть сообщение.

Не открыть.

Любить.

Уйти.

— Ты удивительно последователен, — сказала Елена.

Он принял это без возражений.

Телефон Елены завибрировал.

Она посмотрела на экран. Реанимация.

— Мне нужно идти.

— Я останусь здесь.

— Это твоё решение.

— Елена.

Она остановилась у двери.

— Я хочу знать всё о них.

— Нет.

— Почему?

— Потому что это не допрос. И не отчёт за пропущенные годы. Ты будешь узнавать их постепенно, если они позволят.

— Если ты позволишь.

— Я их мать.

— А я отец.

— Которого они видели один раз.

Максим хотел ответить, но за дверью послышались быстрые шаги.

В комнату заглянула дежурная медсестра.

— Елена Павловна, простите. К пациентке Орловой приехала мать. Она внизу, её не пропускает охрана, потому что нет временного пропуска.

— Сейчас спущусь.

Максим сразу направился к выходу.

— Я встречу.

Елена задержалась на секунду.

Ирина.

Женщина со старой фотографии.

Беременная соперница, которой в действительности, возможно, никогда не была.

Елена не собиралась идти навстречу прошлому.

Но ноги сами понесли её следом.

Внизу, возле стойки охраны, стояла молодая женщина в дорожной куртке и тёмных брюках. Волосы растрепались, лицо было серым от усталости. Рядом лежал небольшой чемодан.

Она спорила с охранником:

— Моя дочь в реанимации. Мне сказали подняться на третий этаж.

— Без пропуска нельзя.

— Сделайте пропуск.

— Регистратура закрыта.

— Тогда позовите врача!

Максим подошёл первым.

— Ирина.

Она резко обернулась.

На лице появилось такое облегчение, что Елена ощутила знакомый укол.

Ирина шагнула к нему и схватила за руки.

Не обняла.

Не прижалась.

Просто вцепилась в ладони, как человек, которому нужна опора.

— Где Лиза?

— В реанимации.

— Она жива?

— Жива.

— Операция?

— Закончилась.

— Максим, скажи нормально. Что с ней?

Он положил руки на её плечи.

Движение было спокойным и почти отцовским.

— Лиза жива. Елена её спасла.

Ирина перевела взгляд.

Узнала Елену сразу.

Это было видно по тому, как изменилось её лицо.

Не удивление.

Вина.

Значит, Ирина знала, кто перед ней.

Елена рассматривала женщину, которую почти четыре года представляла иначе.

На фотографиях Ирина была моложе, улыбалась и носила светлое платье, подчёркивавшее живот. Сейчас перед Еленой стояла измученная мать. Под глазами тёмные круги, губы потрескались, ногти коротко обрезаны.

На безымянном пальце — тонкое обручальное кольцо.

На шее — овальный медальон.

Когда Ирина повернулась, крышка медальона приоткрылась. Внутри находилась маленькая фотография мужчины.

Молодого.

Темноволосого.

С прямой линией бровей и тяжёлым взглядом.

Он был удивительно похож на Максима.

Не как младший брат.

Как сын.

Елена уже видела имя в истории болезни:

Антон Максимович Орлов.

Но медицинская запись оставалась строкой.

Теперь у имени появилось лицо.

Ирина сделала шаг к Елене.

— Елена Павловна?

— Да.

— Я...

Она не договорила.

Губы задрожали.

— Можно увидеть Лизу?

— Через стекло. Состояние тяжёлое, но сейчас стабильное.

— Она в сознании?

— Нет. Она под седацией и на искусственной вентиляции лёгких.

Ирина закрыла глаза.

Максим придержал её за локоть.

Елена наблюдала.

Между ними не было ничего, что она привыкла замечать между мужчиной и женщиной.

Ни скрытой близости.

Ни привычного телесного согласия.

Ирина не искала его взгляда как жена. Максим не касался её так, как когда-то касался Елены.

Они стояли рядом как люди, связанные общей утратой и одним ребёнком.

Это должно было принести облегчение.

Не принесло.

Потому что физическая невиновность Максима не отменяла четырех лет лжи.

— Я провожу вас, — сказала Елена.

Охранник выписал временный пропуск после её подтверждения.

Они поднялись в отделение.

У реанимационного окна Ирина прижала ладонь к стеклу.

Лиза лежала почти неподвижно. Трубки закрывали часть лица. Аппараты мигали ровным светом.

— Она такая маленькая, — прошептала Ирина.

Максим встал рядом.

— Она сильная.

— Не говори так.

Он повернулся к ней.

— Что?

— Все говорят, что она сильная. Будто ей обязательно нужно быть сильной, чтобы взрослым было не так страшно.

Елена посмотрела на Ирину внимательнее.

Фраза была ей близка.

Слишком часто взрослые называли детей сильными, когда на самом деле просто не могли помочь.

— Ей не нужно ничего доказывать, — сказала Елена. — Сейчас за неё работают аппараты, лекарства и врачи. Её задача — лежать.

Ирина кивнула, не отрывая взгляда от дочери.

— Можно здесь остаться?

— В коридоре — да. Позже сестра покажет комнату для родителей.

— Спасибо.

Максим остался у окна.

Елена собиралась уйти, когда Ирина тихо сказала:

— Я знаю, кто вы.

Елена остановилась.

— Это неудивительно. Моё имя указано в истории болезни.

— Я не об этом.

Максим резко посмотрел на Ирину.

— Не сейчас.

Она повернулась к нему.

— А когда? Через ещё четыре года?

В голосе впервые появилась злость.

Елена почувствовала, что между ними существует конфликт, о котором она ничего не знает.

Максим сказал:

— У Лизы тяжёлое состояние.

— Именно поэтому я больше не хочу откладывать разговоры, — ответила Ирина. — Мы уже один раз отложили слишком многое.

— Ирина.

— Она имеет право знать.

Елена устала от людей, которые обсуждали её право на правду в её присутствии.

— Я сама решу, что хочу знать, — сказала она.

Оба замолчали.

— Прекрасно, — продолжила Елена. — Начните с простого. Вы были любовницей моего мужа?

Ирина побледнела.

Максим закрыл глаза.

Ответ стал очевиден ещё до слов.

— Нет, — сказала Ирина.

— У вас были отношения?

— Нет.

— Вы жили вместе?

— Некоторое время я жила в доме Максима Андреевича. После смерти Антона. До рождения Лизы.

— Он сопровождал вас в клинику.

— Да.

— Переводил деньги.

— Да.

— Снимал вам жильё.

— Да.

— И всё это время его жена считала вас женщиной, ради которой он потребовал развод.

Ирина посмотрела на Максима.

— Я не знала.

— Когда узнали?

— Позже.

— Насколько позже?

— После рождения Лизы.

— И не связались со мной.

— Я хотела.

— Но?

Ирина сжала медальон.

— Максим Андреевич сказал, что между вами всё закончено и моё появление только причинит вам боль.

Елена тихо рассмеялась.

Ирина вздрогнула.

— Простите.

— Не за что. Просто очень узнаваемо. Максим всегда точно знает, какая правда причинит другим боль.

— Лена, — сказал он.

— Не называй меня так.

Он замолчал.

Ирина переводила взгляд с одного на другую.

— Я правда не была его женщиной.

— Вижу.

— Тогда...

— Это ничего не меняет.

Ирина растерялась.

— Но вы думали...

— Я думала, что муж мне изменяет. Теперь выяснилось, что он просто позволил мне так думать.

Максим сделал шаг ближе.

— Я объясню.

— Ты объясняешь уже четыре года. Просто раньше делал это молчанием.

Ирина опустила глаза.

Елена заметила фотографию в медальоне.

— Это Антон?

Женщина коснулась крышки.

— Да.

— Отец Лизы?

— Да.

— Сын Максима?

Ирина посмотрела на него.

Елена уже знала ответ. Видела отчество. Сходство. Слово «дед» в документах.

Но до этого момента всё оставалось медицинской информацией.

Теперь Максим должен был произнести правду сам.

Он стоял между бывшей женой и вдовой сына, которого скрывал от неё все годы брака.

— Сколько ему было? — спросила Елена.

— Двадцать девять, — ответила Ирина.

Почти ровесник Полины.

Елена посмотрела на Максима.

— У тебя был взрослый сын.

— Да.

— Когда мы познакомились?

— Да.

— Когда поженились?

— Да.

— Когда пытались завести ребёнка?

Он выдержал её взгляд.

— Да.

— И ты ни разу не сказал.

— Ни разу.

За стеклом тихо пищали аппараты.

Лиза лежала в реанимации, окружённая проводами, и не знала, что взрослые наконец начали открывать двери, которые слишком долго держали закрытыми.

Ирина прижала руки к груди.

Максим повернулся к Елене.

На этот раз в его голосе не было ни приказа, ни попытки управлять разговором.

Только усталость человека, который понимал, насколько поздно произносит очевидное.

— Ирина была женой моего сына, — сказал он. — Лиза — моя внучка.

Глава 3. Женщина, которую она считала любовницей

— Ирина была женой моего сына, — сказал Максим. — Лиза — моя внучка.

Елена уже знала.

Прочитала имя Антона в истории болезни. Увидела отчество. Разглядела фотографию в медальоне и сходство, которое невозможно было принять за случайность.

Но произнесённая вслух правда всё равно ударила.

Не потому, что оказалась неожиданной.

Потому что одним предложением Максим уничтожил историю, с которой Елена прожила почти четыре года.

Молодая любовница.

Беременность.

Чужой ребёнок.

Мужчина, выбравший другую семью.

Всё это время она носила внутри аккуратно сложенную версию собственного унижения. Не возвращалась к ней каждый день, не рассматривала болезненные подробности, но знала: где-то существовала женщина, ради которой Максим от неё отказался.

Теперь выяснялось, что любовницы не было.

Но облегчения не пришло.

Елена посмотрела на Ирину.

Та стояла у реанимационного окна, сжимая пальцами медальон. За стеклом лежала её дочь, окружённая трубками, проводами и мерцающими экранами. Любая нормальная мать сейчас должна была думать только о ребёнке.

Елена понимала это.

Поэтому не хотела продолжать разговор здесь.

— Лизе нужен покой, — сказала она. — И вам тоже.

Ирина покачала головой.

— Я не усну.

— Я не предлагаю спать. В комнате для родителей есть диван, вода и возможность быть рядом. Если состояние изменится, вам сразу сообщат.

— Я хочу остаться возле стекла.

— Хорошо.

Максим смотрел на Елену.

Он явно ждал вопроса.

Обвинения.

Возможно, пощёчины, которую она должна была дать

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.